

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАЗСКАЗ БЕЗ ПРИКРАС
ВЛАД. ТИХОНОВА

рис. С. Плошинский
ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.

(Закопъ 20 марта 1911 г.)

Морозъ крѣпчалъ. По сухой и спорый снѣгъ продолжалъ сыпаться съ неба и покрывать бѣлой хрустящей пеленой площади, улицы и тротуары. Зимнія сумерки надвигались быстро. Загорѣлись фонари и долгая, зимняя ночь смѣнила короткій морозный день.

Дѣвочка лѣтъ восьми, съ большими черными глазами, съ красивымъ, не-русскимъ личикомъ, одѣтая въ пеструю мехмотю, пугливо жалась къ одной изъ колоннъ стараго Гостиннаго двора.

Ребенокъ дрожалъ отъ холода и, казалось, не имѣлъ уже болѣе силъ держаться на плохо обутыхъ ножкахъ, и вотъ-вотъ еще минута, — и бѣдная маленькая дѣвочка покинется черной, кудрявой головою и заснетъ въ чужбѣмъ сномъ...

Но какъ разъ въ это время распахнулась дверь одного изъ магазиновъ и оттуда вышелъ господинъ среднихъ лѣтъ, въ большой енотовой шубѣ, съ головы до ногъ нагруженный разными картонками, свертками, пакетами.

Когда онъ проходилъ мимо заморозившей дѣвочки, изъ плохо завязаннаго свертка у него вывалился маленький, фольговый ангелъ изъ тѣхъ картонкажъ, которые обыкновенно развѣшиваютъ на елкахъ. Дѣвочка быстро наклонилась и подняла его. Умиленными глазами взглянула она на ангела, потомъ прижала его къ своимъ губкамъ и только послѣ этого уже подала обронившему его господину.

— Angelo! — прошептала она при этомъ. Господинъ видѣлъ, какъ умиленно взгля-

нула дѣвочка на эту дешевенькую бездѣлушку, какъ поцѣловала ее, и, растроганный всѣмъ этимъ, сказалъ:

— Возьми себѣ, милая, возьми! У меня еще много такихъ.

Но дѣвочка отрицательно закивала головою и продолжала стоять съ протянутой ручкой, въ которой блестялъ фольговый ангелъ.

Господинъ догадался, что значить это отрицаніе и, прижимая локтями покурки, сталъ рыться въ карманѣ, чтобы достать какую-нибудь мелкую монетку, которая, очевидно, была нужнѣе этому ребенку, чѣмъ игрушка. Но какъ ни осторожно онъ дѣлалъ это, а все-таки нѣсколько пакетовъ вывалилось у него изъ рукъ. Дѣвочка поднимала одни, а господинъ ронялъ уже другіе.

Слабая улыбка показалась на блѣдныхъ губкахъ ребенка. Разсмѣялся и господинъ. Наконецъ, доставъ пятнадцатый, онъ передалъ его дѣвочкѣ и сказалъ:

— На тебѣ, дѣтка, на праздникъ. Но та опять отрицательно покачала головкой и прошептала:

— Мама.

— Что—мама?

— Мама—нѣту.

— Умерла твоя мама?

— Нѣту... Ушла...

— Куда ушла?

— Я нѣтъ знаю.

— Да ты—не русская?—сказалъ господинъ, прислушиваясь къ акценту дѣвочки.

— Нѣтъ... Я—итальяна.

— Ну, а мама твоя гдѣ же?

— Не знаю... Ушла...

— Когда ушла?

— Рано... Утро...

— А гдѣ же вы живете?

— Не знаю... Нигдѣ...

— Какъ, нигдѣ?! Но этого быть не можетъ!—разспрашивалъ господинъ.

— Мы живемъ... Одесса...

— Такъ... Ну, а когда вы въ Петербургъ это прѣѣхали?

— Сегодня... тро...

— А! Вотъ оно что! — покачалъ головою господинъ.

— Мама ушла... Я — одна... вокзалъ... я пошла... пошла... пошла... искать маму... И не найтъ... Я говорилъ... Дерibasовская... Мнѣ говорилъ—здѣсь нѣтъ Дерibasовская... Я говорилъ: Ланжеронъ... Мнѣ говорилъ — здѣсь нѣтъ Ланжеронъ... Я не найтъ, гдѣ мама... Я ничего не вѣю... Я — холодно... Я хочу маму...

И ребенокъ, закрывъ рученками лицо, залился горькими слезами.

— Вотъ, видите видѣть, грѣхъ-то какой! — вслухъ соображалъ господинъ съ покурками и почему-то спросилъ: — А какъ твою маму звать?

— Марія Франческа Курти, — прошептала дѣвочка.

«Гдѣ?» — задумался господинъ. — Собственно, въ участокъ ее надо отправить... но ребенокъ

«... Ребенокъ дрожалъ отъ холода, и, казалось, не имѣлъ уже болѣе силъ держаться на плохо обутыхъ ножкахъ.»

говорить, что не был ничего съ утра, а въ участъ-то еще, Богъ вѣсть, когда накормить... А съ другой стороны, такую ночь, ночь подъ Рождество — и бѣдная малютка должна будетъ провести въ участѣ!.. Какое же у нея воспоминаніе останется о холодной, негостепримной Россіи... Бѣдный ребенокъ!».

— А ты пѣть умѣешь? — вдругъ, неожиданно спросилъ онъ маленькую итальянку.

— Si, si!.. закивала она головкой. — Да, да! Умѣю!.. и «Santa Lucia» и «O, sole mio»... и много, много...

— Ну, вотъ и отлично! — повеселѣлъ вдругъ господинъ съ покушками и крикнулъ извозчика.

— Садись! — сказалъ онъ итальянкѣ. — Поѣдемъ ко мнѣ. У меня дома такихъ же двѣ маленькихъ дѣвочки, какъ и ты, — мои дочки. И мальчикъ есть... еще меньше ихъ. У насъ сегодня будетъ елка. Ты намъ попошишь и поплянешь! И переночуешь у насъ... А завтра мы отыщемъ твою маму и все будетъ чудесно и великолѣпно! Такъ, что-ли?

Дѣвочка не знала: такъ-ли; но вся дрожала отъ холода, покорно сѣла въ сани.

— О, бѣдная! Да ты совсѣмъ застыла! — сказалъ господинъ, замѣтивъ ея лихорадочную дрожь.

И распахнувъ свою большую, хотя и старенькую, енотовую шубу, закуталъ въ нее дѣвочку. И они поѣхали.

Ѣхать имъ пришлось далеко, почти на самую окраину города, и они по дорогѣ разговорились. Господинъ съ покушками узналъ, что дѣвочку зовутъ Лауретта, что ея родители годъ тому назадъ изъ Пармы переселились въ Одессу, куда ея отецъ пригласили дѣлать сыръ. Но отецъ вскорѣ простудился и умеръ, и они страшно обѣдѣли. Тогда ея матери посоветовали ѣхать въ Петербургъ, искать тамъ счастья. И вотъ онъ пріѣхали сегодня утромъ, мама оставила ее на вокзалѣ, а сама пошла разыскивать какихъ-то земляковъ. Лауретта ждала долго. Потомъ соскучилась и пошла гулять на «Дерибасовскую» улицу. Она была увѣрена, что въ каждомъ русскомъ городѣ есть Дерибасовская улица, такъ же, какъ въ каждомъ итальянскомъ есть via Vittorio — Е-

manuelle. Но Дерибасовской не нашлось, и бѣдная дѣвочка залуталась и чуть не замерзла около колонны Гостинаго двора.

«Да, да, это хорошо, что я взялъ ее къ себѣ, — раздумывалъ добрый господинъ въ енотовой шубѣ. — Ребенокъ отогрѣется, поѣсть, повеселится, а завтра, черезъ полицію, мы отыщемъ и ея мать»...

— Стой! Стой! — закричалъ онъ вдругъ извозчику. — Налѣво, къ подъѣзду!.. Ты посиди тутъ, дѣточка! — обратился онъ къ дѣвочкѣ. — А я только на минуточку зайду и сейчасъ же выйду.

И, выгравившись изъ саней, онъ позвонилъ у подъезда небольшого деревяннаго домика, какіе встрѣчаются только на окраинахъ.

— Василий Васильевичъ дома? — спросилъ онъ у отворившей ему кухарки.

— Нѣтути! Ушли! Съ часъ времени, какъ ушли!

— Какъ, ушелъ? Куда ушелъ?

— Извѣстно куда! Въ трактиръ, въ «Золотой Якорь».

— Ахъ, чтобъ ему пусто было! — выругался господинъ и усѣвшись опять въ сани, приказалъ извозчику ѣхать обратно.

Дѣло въ томъ, что съ Василія Васильевича надо было получить долгъ и довольно порядочный, около семидесяти рублей. Конечно, долгъ можно было получить и завтра, и послѣ-завтра, но... назовемъ, наконецъ, нашего героя по имени, отчеству: его звали Петромъ Петровичемъ, — но Петръ Петровичъ зналъ хорошо характеръ Василія Васильевича, зналъ, что къ завтрашнему дню всѣ деньги, какія Василій Васильевичъ долженъ былъ получить сегодня утромъ, будутъ пропиты и тогда жди уплаты долга еще съ полгода. А то обстоятельство, что Василій Васильевичъ отправился въ трактиръ «Золотой Якорь», особенно подтверждало это предположеніе.

И вотъ Петръ Петровичъ, добѣхавшій почти до самаго своего дома, долженъ былъ опять возвращаться съ полверсты обратно, въ Серединовую улицу, гдѣ помѣщался гостепримный трактиръ «Золотой Якорь».

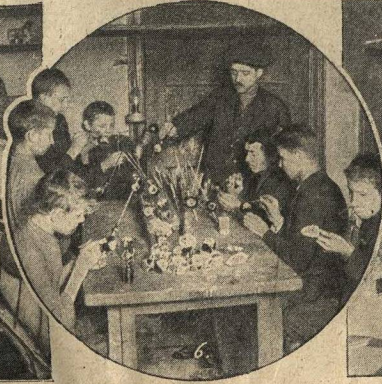
Это такъ разстроило Петра Петровича, что онъ, усаживаясь въ сани, не только забылъ прикрыть шубой маленькую итальянку, но, кажется, даже не замѣтилъ ея присутствія или, во всякомъ случаѣ, обратилъ на нее очень мало вниманія.

Деньги Петру Петрови-

Какъ изготовляется елочное убранство въ Петербургѣ.

Со снимковъ по порученію «Огонька» К. К. Булла.

- 1) Стекланная еловая шишка. — Посрединѣ мастеръ разламываетъ, накаливъ, стекланную трубку на части. Слева — выдуваніе шарика. Справа — формовка шишки.
- 2) Размотка «дождя» изъ канители.
- 3) Мастиновыя фигуры.
- 4) Хлопушки и сахарныя цветы.
- 5) Дрожанія бабочки изъ канители.
- 6) Раскраска стекланныхъ украшеній.
- 7) Сливаніе картонныхъ бомбоньерокъ.

Не мало рукъ занято въ Россіи изготовленіемъ разнообразныхъ елочныхъ украшеній, по

все производство это сосредоточено лишь въ двухъ районахъ. Главную массу доставляютъ

подмосковныя деревни, за ними идутъ Москва и Петербургъ. Однако, Невская столица усту-

ту были крайне нужны. Онь зпалъ, что дома жена, сдѣлавъ всѣ предпраздничныя покупки, осталась почти безъ гроша; да и у него въ карманѣ побрякивала только кое-какая мелочь, которой теперь, въ виду лишняго конца, и на извозчика бы даже не хватило. А потому вопросъ: застанетъ-ли онъ Василія Васильевича въ «Золотомъ Якорѣ» и окажутся-ли при немъ необходимые семьдесятъ рублей, совершенно поглотилъ Петра Петровича, и теперь ужъ не до итальянки ему было.

Но вотъ и ярко-освѣщенный подъѣздъ «Золотого якора». Къ остановившимся санямъ подскочилъ швейцаръ.

— Василій Васильевичъ здѣсь?—спросилъ Петръ Петровичъ не безъ замиранія сердца.

— Здѣсь, пожалуйста, въ кабинетѣ сидятъ, съ компаніей.

Петръ Петровичъ, забывъ даже сказать извозчику, чтобы тотъ его дожидалъ, торопливо вбѣжалъ въ швейцарскую трактира. Сбросивъ шубу, онъ по хорошо знакомой лѣстницѣ поднялся вверхъ и открылъ дверь указанного ему кабинета.

Тамъ, что называется, уже шелъ дымъ коромысломъ...

II.

Марья Ивановна, супруга Петра Петровича, съ самаго утра была въ хлопотахъ, да и не мудрено: день такой—рождественскій сочельникъ. Нужно было дѣтямъ елку устраивать, и праздничный столъ для семьи, и подарки для присутствіи... Да мало-ли чужо! А денегъ было въ обрѣзъ. Мужа она—тоже съ утра—отправила «въ городъ» (они жили на такой окраинѣ, что центральныя части называли «городомъ»), надавала ему тысячу порученій, а главное—поймать Василія Васильевича и получить съ него долгъ. И строго-настрога заказала ему вернуться не позже пяти часовъ, чтобы съ первой звѣздой сѣсть уже за столъ и угоститься разными рождественскими рыбами, да взвтрами.

Марья Ивановна родомъ была изъ Чернигова и соблюдала всѣ обычаи своей родины. вплоть до того, что рождественскій столъ накрывала на снѣгъ, въ память яслей Божественнаго Младенца.

Проводивъ мужа и прикрикнувъ на шумѣвшихъ дѣтей, Марья Ивановна принялась было за чистку орѣховъ для куты, какъ ей подали письмо, доставленное не по почтѣ, а принесенное

изъ какой-то гостиницы мальчишкой, сидѣвшимъ теперь въ кухнѣ и ожидавшимъ отвѣта.

Марья Ивановна вскрыла конвертъ.

«Дорогая племянница Марія,—начала она читать,—твой дядя, котораго ты, вѣроятно, не помнишь совсѣмъ или помнишь плохо, Феликсъ Антоновичъ Бошковскій, т. е. я... (Марія Ивановна была по матери полька)... пріѣхалъ сегодня въ валу столицу и черезъ адресный столъ немедля узнать твой адресъ. Хотѣлось бы Рождественскій сочельникъ провести въ нѣдрахъ родныхъ. А потому, сообщи съ посланнымъ, можешь-ли ты принять меня и дать мнѣ возможность обласкать и порадовать моихъ маленькихъ внучатъ, т. е. твоихъ дѣтей. Отвѣтъ немедленно съ посланнымъ».

Письмо это крайне взволновало Марью Ивановну и она, торопливо отыскавъ листикъ почтовой бумаги, написала:

«Дорогой дядюшка! Я и семья моя ждемъ Васъ, съ распростертыми объятіями, сегодня къ пяти часамъ вечера. Любящая Васъ племянница Марія.

P. S. A, кстати, у насъ сегодня елка».

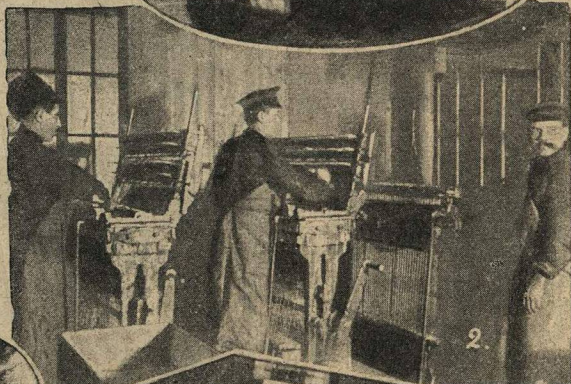
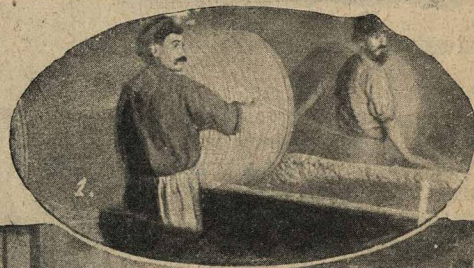
Отправивъ письмо, Марья Ивановна вслѣдствіе мечтаній. Дядю Феликса она не помнила, да и врядъ-ли когда-нибудь видѣла въ лицѣ. Но за то много слышала объ немъ отъ своей матери и изъ ея разсказовъ составила себѣ представленіе, что Бошковскіе были всегда очень богатыми людьми. Богаче же всѣхъ изъ нихъ былъ именно дядя Феликсъ, убѣжденный холостякъ и оригиналь. Но онъ, какъ и вся семья Бошковскихъ, отвернулся отъ ея матери за то, что она вышла замужъ за русскаго, да еще когда! Въ началѣ шестидесятихъ годовъ! Полюбила москаля и измѣнила отчизнѣ.

Много-много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и вотъ магнатъ дядя Феликсъ снова появляется на ея горизонтѣ. Старый, вѣроятно, такой же одинокій, какимъ прожилъ всю жизнь, и такой же несмѣтно богатый, ищетъ онъ семьи и уюта. А за это, конечно, осчастливитъ своихъ внуковъ, и ее, ихъ мать. Однимъ словомъ, Марья Ивановна рисовались самыя радужныя перспективы и она съ удвоенной энергіей принялась за хозяйственныя хлопоты.

Какъ изготовляется елочное убранство въ Москвѣ и подѣ Москвою?

Со снимковъ по порученію «Огонька»
А. И. Пойманова.

- 1) Кустари мѣстечка «Валь» за Дорогомилловской заставой «тянуть» парафиновые свѣчи.
- 2) Тамъ же выдѣлка свѣчей на ручныхъ станкахъ.
- 3) Изготовление масонъ въ селѣ Чернизовѣ.
- 4) Изготовление хлоплушекъ въ селѣ Богородскомъ.
- 5) Звѣзды изъ канители (московскіе кустари).
- 6) Стекланная бусы (деревня Крюково).
- 7) Обклейка атласныхъ бомбоньерокъ въ селѣ Чернизовѣ.

пасть Первопрестольной не только по количеству выдѣливаемого товара, но и по количеству

родовъ издѣлій. Такъ, свѣчи и маски на всю Россію поставляютъ лишь московскій районъ, Петербургъ же можетъ гордиться развѣ только разнообразными стеклянными издѣліями.